ЛБ13
364
ОЦК

ОИК
ф-т Т.

1513 / 364

ЛИТЕРА
ТИФ
УГА

ЛБ13 364

ЦЕНТРИФУГА

СЕРГѢЙ БОБРОВЪ

ЛИРА ЛИРЪ

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВЪ

МОСКВА
1917

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

787395

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФІЕЙ Т/д. И. Н. ГРЫЗУНОВЪ и К° ВЪ МОСКВѢ

— „Опять начинается эта собачья музыка!“ закричалъ синьоръ Крритико и опрометью бросился внизъ по лѣстницѣ, зажавъ уши.

(Ант. Фиренчеоли.)

АВТОРЪ:—Все, что Вамъ угодно, Милостивые Государи! все, что Вамъ угодно! Сюда дамы и кавалеры! Сюда смокингоносцы, сюда голубчикъ-дерюга: все равно всѣ Вы не поймете ни обола,—такъ бѣгите же скорѣе, скорѣе!—Сюда маэстро, псалмопѣвецъ по IV разряду! сюда глиняный кувшинъ систематизованной околесной! Сюда, миляга:—махорки на двѣ семитки? Отпустимъ и махорочки. Получи—три пуда двадцать фунтовъ благороднѣйшаго мяса! Эй Вы, антропофаги, газетчики, могильщики, камло,—ахъ, да смотрите же подъ ноги: удавалось ли Вамъ бѣгать такъ проворно по рванымъ мозгамъ? Лучшіе эффекты, сорокъ тысячъ метровъ, все, что можно достать въ новѣйшихъ кухмистерскихъ!—Начинается, сейчасъ начинается! не бойтесь, не будетъ скучно—хлебайте, мои дорогіе убійцы, кровосмѣсители, прелюбодѣи, воры, завистники, идолопоклонники, сифилитики,—мы торгуемъ самымъ изысканнымъ товаромъ, ... мозгами, лимфой, гормонами и кровью. Если Вы за чевичную похлебку отдавали свое первородство—то что мнѣ стоитъ перевернуть этотъ жалкій міръ, владѣя такой божественной похлебкой!

Серый Бобровъ

15. VI. 915
Москва

Комедія, казалось, кончалась, какъ вдругъ самъ хозяинъ театра, исказивъ свое лицо страшной гримасой, просунулъ его межъ куколъ и устремилъ неподвижные глаза прямо на кругъ зрителей. Пульчинелль съ одной стороны, а докторъ съ другой казались сильно испуганными появленіемъ головы великана, но затѣмъ пришли въ себя и стали внимательно осматривать ее сквозь очки, ощупывая носъ, ротъ и лобъ, до котораго едва могли дотронуться, и завели глубокомысленный ученый споръ о свойствахъ головы и о томъ, какому туловищу она могла принадлежать, и вообще можно ли было допустить существованіе принадлежащаго ей туловища. Докторъ высказывалъ самыя сумасбродныя гипотезы; Пульчинелль, напротивъ, высказывалъ много здраваго смысла, и его предположенія отличались вселостью. Въ концѣ концовъ оба согласились на томъ, что, такъ какъ они не могутъ представить себѣ тѣла, могущаго принадлежать этой головѣ, то его и вовсе нѣтъ; но докторъ думалъ при этомъ, что природа, создавая этого великана, воспользовалась риторической фигурой, синекдохой, въ силу которой часть можетъ обозначать цѣлое. Пульчинелль же, напротивъ того, думалъ, что голова эта была просто несчастливцемъ, у котораго отъ долгихъ думъ и праздныхъ мечтаній вовсе утратилось тѣло, и который, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія кулаковъ, могъ обороняться противъ заушеній и щелчковъ по носу только ругательствами.

(Т. Гофманъ)

КНИГА ПЕРВАЯ

И сквозь мрачный грохотъ этой ужасной ночи сэръ Джонсъ никакъ не могъ понять, какъ ни напрягалъ онъ зрѣніе, стоитъ ли передъ нимъ черный пень, около котораго дорога сворачиваетъ къ замку, или это притаились двое разбойниковъ, выжидающихъ неосторожное его движеніе.

(K o o d s t a y l)

- Берегись!.. У тебя несчастливое лицо, какъ бы оно не понравилось кому нибудь другому такъ же, какъ мнѣ...

(Т. Г о ф м а н ъ)

I.

ИСПОЛНЕНІЕ.

Ахъ, если бъ праздникъ неземной
потребы,
Какъ пастырь, что благословляетъ
хлѣбы,
И пестрыхъ будней игры осѣнилъ

(Ив. Коневской).

Исполнена молитва Коневского;
Потреба ровная родной землѣ—
Созвѣздьемъ тянется въ надзвѣздной мглѣ,
Въ туманностяхъ вращенія живого.

И возвращеніе сіе—такъ странно ново—
Иль мы живемъ съ улыбкой на стеблѣ?
Или на старомъ родины челѣ
Живописуется другое слово!

Но пестрыхъ буденъ благостна игра,
Воскликновеніямъ пришла пора:
И пастырь сребролукій той потребы

Намъ съ явною улыбкой говоритъ,
Благословивъ метафорные хлѣбы:
— Лирическое дѣйство предстоитъ.

1913.

II.

Вотъ день, разламывающій окна,
Потрясаетъ недолгую ночь.
Провожаетъ спокойно его она,
Уползая, пропадая прочь.

А тамъ, на трубахъ крылатыхъ
Живой неподвиженъ огонь,
Въ сѣнь небесъ голубыхъ, измятыхъ
Влетаетъ деньской конь.

Опускай онѣмѣлыя руки,
Вотъ холодная разсвѣта рука:
Нестерпимо спокойные звуки,
А безудержной ночи поступь легка.

Прими же всѣ эти вещи
Въ голубой ночей амбаръ;-
Онъ душою твоей трепещетъ
Неподвижный разсвѣтный пожаръ.

1913.

Б. Л. Пастернаку.

III.

ДЕНЬСКОЕ МЕТАНІЕ.

На столѣ колокольчики и жасмины,
Тютчевъ и химера съ Notre Dame.
Да, но въ душѣ годины, какъ льдины,
И льдины, какъ разломанный храмъ.

Ты войдешь въ комнату, — Да, все то же:
Море потолка и ящерица-день;
Жизни пустынное ложе
Трепетъ и тѣнь.

Принимай же холодную ласку эту-
Васильковъ и жасмина;
Тебѣ, поэту,
Одна, все одна горюетъ година.

1913.

IV

БЕРЕГОВЫЕ БУРУНЫ.

Выходитъ на бугоръ песчаный
Блѣдный высокій матросъ;
Вѣтеръ треплетъ его панталоны
И отвороты его одежды.
Онъ смотритъ на дали косъ,
На волнъ вавилоны,
На баканы;
На лицѣ рѣшимость и надежда.

Лицо его такъ недовольно,
Что мнѣ, право, страшно смотрѣть.
А вѣтромъ рѣзанныя тучи
Пролетаютъ низко.
Но вотъ я понимаю взоровъ сѣть,
Пропадающую за желтую кручу:
Это значитъ, что голосъ дольній
Закрыли крылья василиска.

Но хладный октаэдръ вдохновеній
Небосводитъ души озеро;
Построеній скалы, отроги,
Текучая жизнь.
Сердца понятны прорѣзи,
Сіяетъ оно, какъ бугоръ тотъ,
Надъ которымъ сѣти и неводы:
— Дорогу свою воззиждь.

1913.

V.

Души легкій двойникъ, неба ликъ.
Ты—мечта.
Сердца любовью опаленный ликъ,
Ты—мечта.

Необоримая будущность!
Свѣтлый ликъ!
Тобой единою
Веселится языкъ.

— Въ эѳирѣ краткомъ и дрожащемъ
Коллекція колесныхъ правдъ:
Какъ колесница въ днѣ язвящемъ,
Какъ паруса высокихъ яхтъ,
Одна надъ міромъ поднята
Будущности мечта.

1913.

Валерію Брюсо

VI.

МОЛОДОСТЬ ЗОЛОТА.

Зеркало земли изогнуто
И исторгнется имъ тоска;
Ты, нетлѣнное золото,
Ниспадаешь на дикіе шелка.

А въ рукахъ твоихъ ослѣпительныхъ
Не старая грамота:—мечъ!
Какъ на солнце, на море длинное
Упадаетъ стремительно сѣчь.

Ты знаешь, и не обѣщаючи:
— На строки дней вернусь!
Закрой невѣрные раи
Въ свой пресвѣтлый убрусъ.

А молодость твоя гнѣвливая
Построяетъ нѣкій намъ мостъ,
Чтобы буквы негаданной нивы
Коснулись любимыхъ, любимыхъ звѣздъ.

1913.

VII.

СВОБОДА.

Мой лучшій сонъ, мой ангелъ слад-
копѣвный.
(Н. Языковъ)

Свобода плакала въ эѳирѣ
Надъ океаномъ жизни сна.
Звѣзды прельстительный дикирій
Жгла жизни яростной весна.

Въ рукахъ Свободы шаръ безумный
Аполлонической любви,
Рукъ силуэтъ нежданно шумный
И непостыдные лучи.

Она прекрасной оставалась,—
Пожаромъ жизни міровой,
Когда надъ нею раздавалась
Волна игры--волной другой.

Призракъ душилъ рукой слѣпящей
Ея безсмертное лицо,—
И бѣломраморной дрожащей-
Рукой поддерживалъ кольцо.

1913.

М. Кювилье

VIII.

БЛАГОДЕНСТВІЕ.

Благоухай, земли денница,
Островъ пальмъ и бѣлоногихъ звѣрей!
Не ассирійскихъ херувимовъ
Каменнодушная чреда,—

Нѣтъ, эти голубыя лица
Воздвигли звонкіе города,
Поднимая на плечахъ неуловимыхъ
Стебли египетскихъ степей.

Человѣческій міръ! не ты ль затерянъ,—
спомни тѣхъ завѣтный завѣтъ:
Одной старинною пылью вѣренъ
Дней твоихъ слабый свѣтъ.

Ты—лики демоновъ жалкіе разрушишь,
Утвердивъ сказаній пентаграмму;
Передъ блескомъ непомерклымъ твоей души
Падетъ ихъ армада.

1913.

Н. Н. Асѣеву

IX.

БѢГЪ АЛМАЗОВЪ.

О, голосъ неслитный
Ледовитыхъ дубравъ!
Какъ Фритьофъ, орелъ ненасытный,
И мой приготовленъ корабль!

Вотъ корабль выплываетъ въ пучины,
Стономъ задымились берега;
Сѣрыя долины! прощайте,—
И вотъ первыхъ алмазовъ рога.

Живи на просторѣ бдящемъ,
Ты, мыслей полюсъ живой:
На сѣверѣ, огнемъ дрожащемъ,
Корабль, не останавливайся мой.

Твои реи не я ли устами
Цѣловалъ и хвалилъ,
Остановись, дрожи, дрожи!—мое знамя
Передъ силой несмѣтныхъ силъ.

1913.

X.

Твоихъ плѣнительныхъ очесъ
Мнѣ было сладостно достигнуть,
Играть, рѣзвиться вкругъ небесъ,
Вдругъ—голубымъ танцоромъ прыгнуть.

Я—голубымъ танцоромъ былъ!—
Ты—неживая!
Въ тростинку дулъ и травы гнулъ,
Кругомъ—сады,
Золотыя окна
И локоны рая.

Заверчивается мой полетъ
И легче пролетаетъ;—
Тогда, стремительно летя,
Я звалъ и пѣлъ тебя, дитя.

Передъ стеклами зеркалъ
Нѣжный мальчикъ фигурялъ.
Онъ склонялся и дрожалъ,
На одной ногѣ стоялъ.

1914.

КНИГА ВТОРАЯ

И я услышалъ: приблизься ко мнѣ, чтобы можно было плюнуть тебѣ въ лицо.

(Koodstayl)

XI.

РУКИ КЪ НЕБУ.

Небесъ порывъ случаенъ,
Но тяжекъ, опечаленъ, угрюмъ;
Города небесныхъ окраинъ,
Какъ края пожелтѣлыхъ думъ.

И душу, легко угасая,
Прими же, крайняя новь.
Мечтая и не желая,
Отрекись и сонъ приготовь.

Блаженный и горькій отблескъ,
А небо, какъ крайняя жизнь,
И вечеръ положитъ въ гробикъ
Твою отгорѣлую синь.

Но зелень сухихъ изумрудовъ.
Закроетъ изступленный сонъ:
И темной, сирою грудой
Унесетъ въ знакомый полонъ.

1913.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА

XII

Шорохи той же грани,
Какъ соки пустѣлыхъ устъ.
А! зачѣмъ же эти дороги
Лучей красныхъ не близки!

Топайте мостомъ, завязшимъ
Въ пучинѣ вздошныхъ дорогъ—
А я полоумный взоръ
Направляю на ту же пажить.

Вы вслушайтесь въ сей сказъ:
— Голубь на прорубь,
— Кровь на восторги,
— Нивы за плески, за ивы.

И въ единой печали
Я въ ничто потрясенъ.
Сонъ исходитъ ночами,
Я до ней унесенъ.

1913.

XIII.

НЕУВѢРЕНІЕ.

Простота необыкновенности,
Степь—просто.
Какъ сила жалости,
Какъ утесъ морей.

И бьющееся впередъ
Кто приневолитъ,
Когда изъ боли щедротъ
Неба ледъ расколетъ.

Кинься, кинься подъ черный день,
Подъ валы его перепонокъ.
Въ глазахъ: день и тѣнь,
А въ черни ихъ незнакомый ребенокъ.

1913.

XIV

— Навѣкъ мнѣ упиться этой болью,
Чужимъ отраженьемъ сна;
Душа, ты ведешь къ тому полю,
На которомъ царствуетъ нѣсколькихъ душъ глубина.

Дай и мнѣ, цвѣтку полевому,
Добрести и жизнь вознести,
Въ ароматы, что снились грому,
Въ путь, гдѣ встрѣтились мы -
Нѣсколько душъ.

Непонятнѣй—все будутъ рѣчи мои;
Пятна солнечныхъ рѣкъ
Пестрятъ очи и уста мои.

Мнѣ идти на то поле,
Гдѣ нѣсколько душъ.

1913.

XV

Какъ будто человѣкъ зарѣзанный
На этой площади лежитъ!
А дрожь рукъ говоритъ, что нечего
Теперешнее ожидать.

Смѣхъ легче былъ бы не конченъ,
Когда бы не тѣни цвѣтковъ,
Зарѣзанный убѣжитъ съ площади,
Голый бѣжа впередъ.

Противоположная улица
Повлечетъ слѣдующій трупъ;
Такъ разорваны горла накрѣпко
На площади въ шесть часовъ.

1915.

XVI

Оторванъ, вслѣдъ тощимъ громадамъ,—
Руки костлявыя не я ли велъ!
Но бурь тихихъ взоръ, изломъ-камень
Схватился за меня.

Какъ зубъ вонзивъ въ отроги заміра,
Я вдыхалъ пронзительную ясь:
Но вотъ—и мнѣ стала площадь столбомъ,
Стѣной, параллельной мнѣ.

Но и тутъ былъ бы веселъ—площади круженье
И паденье прохожихъ въ условную бездну...
- Зачѣмъ бить, убить, напоминать,
Изъязвлять, топить, душить
Безсоннаго—тутъ:
„— Ихъ тѣни благовонны
„Надъ Летою цвѣтутъ“?

1915.

XVII

БѢГЛЕЦЪ.

Твоимъ странствіямъ мелодичнымъ,
Что предписанъ, основанъ за конецъ?
Будь же навѣки обезличеннымъ,
Высокій бѣглецъ.

Тебѣ—только травъ шуршанья!
— О! навѣрно я знаю!—
А въ бѣгѣ: домовъ колыханья
И трудовъ неисполненныхъ раи.

Жизни трудной
Безконечна тяжкая пажить;
Не останавливайся,
Путь судьба твоя раньше не ляжетъ.

1913.

XVIII.

СИЛА МУЧЕНЬЯ.

Какимъ Гарунъ-аль-Рашидомъ
Я долженъ къ тебѣ явиться!
Смотри—слова я выдамъ
За колесницы боевыя.

Рѣжьте ихъ сабли,
Темныя тѣла!
Куда же теперь меня завели
Рѣшенья отчаянной мглы.

О, лейся, мое упованье,
На камень, на твердый твоей ночи!
Нѣтъ, такое стремленье
Похвалитъ всякая летящая душа.

1913.

XIX.

Pouah! nos salives desséchées,
Roux laideron,
Infectent encor les tranchées
De ton sein rond.

(A. Rimbaud)

Но ея прекрасные взоры
Небосклономъ легли,
И въ рукахъ несравнительныхъ розы
Непомѣрными были силами.

— Въ возлюбленныхъ тучъ раскаты,
Крутясь, возникли дороги-
И пламенномудрые боги
Свершали жатву.—

Задыхайся на склонѣ летучемъ
Ея воздвигнутыхъ рукъ!
Жнецъ великій идетъ по тучамъ,
Серпъ дрожитъ въ тяжелыхъ рукахъ.

1913.

XX.

НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ предшествіи стройнаго призрака
Является въ шумахъ она:
Опущена внизъ рука,
Пристальные глаза, въ нихъ глубина.

Кристаллы, камни, гранаты.
О, если можешь, остановись!
Вонзи въ уста эту руку,
Дай мнѣ очей этихъ высь.

Душа уходитъ, какъ тангенсъ,
Въ зыбь очей, въ муть очей, въ ночь очей.—
Скажи мнѣ ты: „Стань же
„Строкою души моей“.

1913.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Трубліоны возбуждаютъ во мнѣ живѣйшій интересъ. И я съ удовольствіемъ открылъ въ довольно цѣнной книгѣ Николая Ланжелье—парижанина—вторую главу, касающуюся этихъ низменныхъ существъ.

(А. Франсъ)

XXI

ЗАБЫВЧИВОСТЬ.

Все застывало спорнымъ утвержденіемъ,
Все застывало (повѣрьте мнѣ!),
Когда за шумѣніемъ шопотъ
Порывался потухшей свѣчей!

Ахъ, эти страны лимонада и галопа!
Страны черныхъ невѣроятій!
Каждый ходъ—водъ пакетботъ;
Вся Европа играетъ (бутада!)—
Все это—куски гарпій.

Очень опредѣленно и надоѣдливо
Одно:—ахъ, эти страны...

Здѣсь все опять повторяется,
Повторяется,
Теряется, ряется.
Какое наглое умиленіе,
Необыкновенность моей радости,
Умилительность этой ночи,
Веселіе обыкновеніе.

1914.

XXI.

СУДЬБЫ ЖЕСТЫ

Когда судьба занесена—
На міръ презрительнымъ указуетъ перстомъ
(—На пажити, тумановъ прорывы—
Тамъ:—города, волнорѣчье, взморье,
Глубина карановъ, изгибы, люди—
На холодъ, на теми,
Крѣпи, отливы—);
Презрительнымъ перстомъ,
Низвергая тусклѣйшіе ряды
Борозды, звѣзды ринутся,
Раздвигая ослѣпленій бѣгъ и пробѣгъ.

Тогда начинается, ломается явная пытка—
И леты нервическихъ летуновъ
Оборвутъ искрометы,
Землеломы, подводники
Съ отличноустроеннымъ ревомъ.

Вы же, громы...
А небесную пажить разломить
Крыльямъ блиндажа удастся ль!
Но лопнетъ струной золотой меридіанъ,
Но, звякнувъ, изсякнетъ странъ потокъ:
Нѣжно опуститъ руки Рокъ.

1914.

XXII

ЧЕРНЫЕ ДНИ.

На тяжкую профиль блиндажа
Метнулись легкихъ куски,
И радіотелеграфъ тонкій
Скомандовалъ:—перелетъ.
Тогда блиндиромобили
Качались по мертвымъ тѣламъ;
Счастливыя долины Шампаньи
Заливалъ пушечный гамъ.

На гаубицъ сѣрыя хоботья
Дымки серебристые плыли,
Вспухая то тамъ—то тамъ.
Стрекотали и жали изъ дали,
Изъ близи мортирныя дула;
И плыли, и плыли, и плыли.
И тяжкую пажить пахали,
На хвостъ свалившался бипланъ.

Вы, черные сенегалы,
Гнули штыки о каски;
Падали—на милю не видно,
Кончается ли кровавое поле!

А блѣдные люди въ Гентѣ,
Отирая холодныя руки,
Посылали на горы плотинъ
Бѣленькій пироксилинъ,
И горькой Фландріи горе
Заливало зеленое море.

1914.

XXIII.

КОНЕЦЪ СРАЖЕНІЯ.

Воздушная дрожь—родосскій тракторъ.
О, темь, просвѣтись, лети!
Земля дрожитъ, какъ раненый аллигаторъ,
Ея черное лицо—изрытая рана.

Валятся, разставляя руки,—
Туже и туже гулъ и пересвистъ,
Крики ломаютъ брустверы,
Ржанье дыбится къ небу.

О, сердце, крѣпче цѣпляйся
Маленькими ручками за меня!
Смотри: выбѣгаютъ цѣпи
Въ полосы бризантнаго огня.

И чиркаютъ пули травою;
Еще минута—и я буду убитъ.
Вчера контузило троихъ, сегодня... что такое?
Нечего и вспоминать, это я—просто такъ.

Но сегодня—какое то странное...
И даже... Однако, позвольте, гдѣ же я?
Вѣдь внизъ уносится земли полоса—
Въ мракъ! въ мракъ!
Да этого быть не можетъ!
Это просто такъ.

1914.

XXIV.

Rien de rien ne m'illusionne.
(A. Rimbaud)

Слои тучъ изрѣзаны равномѣрно:
Что за линія чудесной красоты!
Такъ, творя замысла утонченность кроткую,
Чертитъ прицѣльникъ мѣдный.

Перекошены замерзшіе...
Прекраснѣй кровавой Венеціи;
Но облачко дыма—гондола дня,
А за нею . . . . . .

Подземный городъ—игра безопасна,
Такъ ли (стрѣляйте, пока не изсякли!)
Визгучіе безкрылы-ракеты?
Или помнятся вчерашнія явства?

Сшибокъ неба такъ декоративенъ,
Словно строчки военныхъ корреспондентовъ;
Сосны обстрижены и посшиблены,
. . . . . сѣрой горкой.

1915.

XXV.

Voici le temps des Assassins.
(A. Rimbaud)

На тридцать двѣ сажени улетѣли камни!
О, Боже мой! будетъ ли конецъ!

Сливайте сломанныя руки,
Челюстями разбитыми мямлите жалче.
Все застаивается грохотной угрозой,
И вѣрно исчезъ конецъ.

На палкахъ жалкія шкуры,
Стерегите негодныя кучи дряни,
Жестянки, оторванныя двери.
Послѣкуръ кретиническихъ плясокъ:
Мѣдная рвань, чугунный ломъ,
Могильный ровъ и закромъ;
Строеній нищенскія бѣльма
. . . . . .

На двадцать три сажени улетѣли камни
И загвазцались внизу
. . . . . .

1915

XXVI.

На эти горныхъ скалъ озубья,
Какъ вихри, взлеталъ иной океанъ.
Клопоча, хоронясь въ ущельныхъ окнахъ,
Онъ плескался, какъ голубь въ огнѣ.

Когда бы я свѣжевѣйно проникъ
Въ грезныя мызы его овладѣній,
Онъ глухо и тупо сорвался съ ногъ,
И скалъ стукъ былъ—цѣпей цоканье,
И быстрый водоросль, обрывистый клекотъ
Мозгъ разбивалъ, раскладывая
Мысли въ домино.

О, жаркаго полка неудержимыя—ноги!
Всѣ эти завѣсы, склоны и покаты
За одну выжженную солнцемъ недѣлю
Продавалъ газетчикъ откормленный,
Но покупатель за гробомъ шелъ

1915.

XXVII.

Легкоизалетный чертитъ кругозоры,
Памятями дышитъ клокотъ земей.
Черные круги полей оратай
Надъ лютой дней.
Но и кто
Игры темной увлечетъ
Въ логи тайны громады?
Дамъ иглы
Глубинъ моревыхъ.
Ни гнетъ, ни покоя;
Исчерти путей лесы, закрути
Тьмой исчлы.
Нѣтъ, нѣтъ,—за этой же заставой
Кто оберетъ свои гони:
Они сони, они трусы, они блекнутъ
Поднимай же медленно руки,
Вотъ волна.

1913.

С. Я. Рубановичу.

XXVIII.

О—я не насладился плодами дальнихъ рѣкъ.
Я на берегъ садился. Одинокій человѣкъ.

О—дунь, жестяной вѣтеръ, на дубовъ сырую грань!
Разграбитъ осень грабовъ, кленовъ жесткую дрань.

И такъ же грабитъ путника, забывца о плодахъ,
Которыми онъ не насладился на дальнихъ рѣкахъ.

Захаживали волны за корни черныхъ ивъ,
Но я былъ равнодушенъ и боязливъ.

А грань далекихъ волнъ, отчаявшись, звала:
— Окипи насъ мокрой ладонью весла!

И мнѣ не нуженъ былъ однажды мой хитрый звонъ,
Надъ нимъ торжествовалъ многоводный сонъ.

Тамъ тучно зрѣли... — ахъ, должно быть, не разсказать!
Померанцы ли?—и сердца ихъ: солнцъ бѣшеная рать.

Мой мечъ былъ тонокъ—невидимая струна,
И въ землю уходила дрожащая слеза.—

И я не насладился плодами тѣхъ рѣкъ,
Гдѣ было веселье. Одинокій человѣкъ.

1914.

XXIX.

КИНЕМАТОГРАФЪ

Ужель уберечься
Слѣва—рева, взрыва—справа?
Горой бульварнаго песка
Трамвай равнодушно бѣгущій снизу,
Когда блестка ея,
Кущей порываетъ выси,
Мчится.
О, отрясывайся,—
Небо, сводящее дорогой,
Судъ по́ходи мелкой
Молочнистый.

И вотъ (не можетъ быть! ужели!
Что вы, что вы! помилуйте!—):
Скорченными ногами
Пробѣгаетъ изреченій
Вялый потокъ,
Какъ сонъ изрѣшетеній...

Но тутъ лучше мнѣ остановиться?
Не думайте, все же,
Ошибочно приписывая...
— Плисовые огни, снятся рожи—
Какъ этотъ каждый ударъ
Есть совершенно—трепетъ
Телефонныхъ болтовней,
Перси головней разстрѣливъ...—
И бросивши карандашъ о земь,
Забывъ про озимь и про все,
Презрительно забылъ про что.

10 мая 1914.

И. А. Аксёнову.

XXX.

КИСЛОВОДСКІЙ КУРЬЕРСКІЙ.

О, легкая мчимость! о, быстрая улетимость!
Какъ—гулъ колесъ, стукъ, крикъ легъ;
Разверни хрипъ, вой мукъ живыхъ,
И со стрѣлки соскальзывай—разъ, два, три,—еще:
Разъ, два, три!—желѣзными зубами
Куснуть стыкъ; зеленому огоньку
Лепетнуть. Семафоръ—
Языкъ
Опуская, чтобъ вырвать вой,—
И быстрѣе:
Мчѣе, лѣвѣе, милѣе, живѣе, нѣжнѣе
Змѣя живого мѣднымъ голосомъ:—
Хрипъ звѣздъ, брань столбовъ,
И: ровно—чудно, словно—бурно,
И: нудно—ёмно, скудно—до домны:
По мосту летивѣя—
Графиты... черноземы... сланцы...
Гра-ра-ра-фиты,-
Черно-чер-ер-ер-черноземы
Сссслан-аннн-анцы,—
Стопъ!—вынь да положь,—
Стансы.—
Станція. 10 минутъ.

1915.

XXXI.

ВЪ ВОЗВЫШЕННОМЪ РОДѢ.

Libre soit cette infortune.
(A. Rimbaud)

Какъ копій высокъ намъ вѣнецъ!
Ройте быстрѣе валы морей;—
Копье надъ лучомъ—мигъ конца,
Цѣпь зарницъ! Расклейте тоны!
Смущенные гнѣвы выросли
Пѣвомъ веретена или грома,
Но тянко взоръ—въ нефы мысли!

Геперь я разорву ѳеорему,
Закачусь—обогнемъ—за сонъ:
Рай торжества, восторга!

Кра-та-та́! Га-у-ё! Га-у-ё Кра-та-а́!

Восторга винтъ раскрутимъ,
За сонъ за игръ око закинь ты!
Ѳеорему, уловъ, горъ—пылъ, взоръ.
Мыслей фонарь-дно киньте.

Грома, хрома гномъ вытрясъ;
Осла радостей—гонъ легкій,
Еноты на брегахъ степь-дня:—
Такъ не лобзаться на топоръ;—
Ее ромъ лавируетъ, событья осъ,—
Цѣня въ массѣ: ходъ копій, рокъ.

23 іюня 1914.

11
FO.B.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Что бы мнѣ не выли въ уши объ искусствѣ, я твердо помню и буду помнить одно; въ толстыя уши мессира Беневоленте не пролѣзетъ даже хрипъ висѣльника—поэтому то я не могу надѣяться, чтобы онъ услышалъ меня даже въ мой предсмертный часъ. Да что я буду здѣсь болтать о боровѣ Беневоленте!—полюбуйтесь, дорогіе друзья мои на нашего пріятеля Камалья,—смотрите, какъ онъ, морща низкій лобъ, поноситъ Антоніо: а ему на роду написано быть кладбищенскимъ сторожемъ!

(Ант. Фиренцеоли)

Е. Г. Лундбергу.

XXXII.

НЕОБЫЧАЙНАЯ ЛОВЛЯ.

День мутными растрескивается рѣчами,
Грозной чернью обвѣтренныхъ словъ.
Несутся ихъ толпы за то́лпами,
Собирая свой темный уловъ.

Въ сѣтяхъ ихъ пресвѣтлыя рыбы,
Чешуей они—блёстками блекнутъ:
На рукахъ ихъ—раны, изгибы,
Глаза—горькія слезы исторгнутъ.

Невозможно ихъ бѣгъ прекрасный
Живой рукой остановить,—
А яростные вои, рыданья
Бросаютъ онѣ по пути.

Кто сбираетъ ихъ—королевичъ,
Ему не плакать ни о чемъ;
Онъ ложится на свое ложе
И повторяетъ ихъ бѣглый гулъ.

Съ нимъ однимъ говоромъ безсмертнымъ
Говоритъ живое небытіе,
По щекамъ его тихо стертымъ
Скатывается слеза его.

1913.

XXXIII.

МЕЧТА ВЪ ВЫСЯХЪ.

„ — А почему это у васъ такой глупый и надутый видъ, синьоре?

„ — Міръ еще не рожалъ дурака, подобнаго вамъ, маэстро:—развѣ вы не видите, что я размышляю о концахъ и началахъ?"—и съ этими словами Критикко еще сильнѣе надулся.

(Ант. Фиренчеоли).

Мечта стоитъ, какъ облако, въ эѳирѣ
И стражъ-поэтъ предъ ней влачитъ свой плѣнъ;
Не сосчитать прерывистыхъ измѣнъ,
Не обуздать плѣненной духомъ шири.

Раскинется широкая гряда,
Несуществующимъ исполнятся эѳиры,
Подъ звонъ твоей всемірнопѣвной лиры
Сурово открываешь: „никогда".

И міръ несется легкимъ чарованьемъ,
И міръ кипитъ и алчный ронитъ плодъ:
Твоей гармоніей исполненный полетъ,
Твоимъ высокимъ жгучимъ ликованьемъ.

Не остановится прельститель міръ! прощай,
На огненной ладьѣ кидаю встрѣчу,
И жизнь рукой стремительной отмѣчу:
Покинь тотъ вѣрный рай, лети, играй!

1913.

К. А. Большаковъ

XXXIV.

СУДЬБА СТИХА.

Каждый стихъ, отплывая, тонетъ
Въ разгнѣванныхъ полдневныхъ парахъ,
Полдень лучъ распаленный гонитъ и стонетъ,
Испаряя маленькій прахъ.

Каждый стихъ, отплывая, гибнетъ
Въ равнодушную прорубь луны,
Она его не отринетъ,
Сѣть мертвой, жестокой волны.

Вы же, легкіе колоссы-звѣзды,
Вы встрѣчаете радостно его!
И стиховъ налитые грозды
Не отниметъ у васъ никто.

Вы единое мѣрите сердце
Разномѣрнымъ вашимъ лучомъ,
И родного привѣтите стрѣльца вы
Въ несравненный эѳирный домъ.

1913.

Борису Пастернаку.

XXXV.

ЛИРА ЛИРЪ.

ОРАТОРІЯ.

О, правьте же путь въ страны
Гиперборeевъ!

(И в. К о н е в с к о й)

Необыкновенная поступь времени
Костьми ложится передъ симъ летомъ.

Совершаемъ надъ быстрымъ льдомъ
Этотъ летъ мы—одни.
Жизнь, какъ мельница невозможностей,
Собираетъ тайное зерно:
Цвѣтъ и звонъ усталостей
И несравненный колоколъ.

Дай же мнѣ, о, золото жизни,
Врата безконечныхъ смысловъ
Ударяя, какъ лучъ по линзѣ—
По трепету мысленныхъ обрывовъ.

Дай, богиня, воспѣть несравненно
Золота текучаго прозрачный жиръ;
Дай мнѣ мою умышленную
Лиру Лиръ.

I.

По воздушному троттуару
Ниспускается бѣгучій лимузинъ,
Пригибаясь въ жизненную амбру,
Расточая свои триста тысячъ силъ.
Радуги возносятся, какъ дуги,
Круги ихъ—какъ барабаны динамо,
Плуги круговъ—пронзая, легки;
Ввысь опрокинута воздушная яма.
И сіе благопріобрѣтенное пространство
Могила призраковъ и мечтъ,
Мертваго корсара долгожданство
И неуловимый метръ.—
Кругомъ кружитъ любовное веселье
(У меня нѣтъ времени все описать!),
Гиперболы, эллипсы—взвиваютъ кольца,
Надъ которыми летучая рать.

Протянуты въ дикую безконечность
Безвоздушные, не-сущіе пути:

Ихъ млечность,
Точность, извивность, глыбность
Приглашаютъ пить нашу пѣсню
И идти.

II.

Гробожизнь нестерпимо пляшетъ,
Изваяніемъ уведена;
Бросаются въ пропасть блеклыя тайны,
Сумасшедшіе отверзаютъ уста.
Остановись, жизнь, въ дикомъ скокѣ,
Передъ тобой—неожиданная волна,
И кто ея залижетъ раны,
Кто скажетъ, что она есть та:—

Неощущаемая.

III

Несетъ лимузинъ синія радуги
И радуетъ рабовъ рѣдкіе взрывы,

Возстаньте на нити повелѣній,
Дайте снамъ яду, жизни обрывы.
Любите сердцемъ разгромленнымъ,
Оброснте всѣ покрывала-
Чтобы надъ міромъ ослѣпленнымъ
Новая красавица возстала.

IV.

Сумасшедшихъ плясъ—хороводомъ
Насъ уводитъ,—шепчетъ, шипитъ, горитъ:

-Воздвигайте новое Замбези,
Новый Беринговъ проливъ,
Новую Атлантиду!
Въ неразрывные взрывы-
На бѣгущихъ марганцѣ и желѣзѣ,
Новую жизни каріатиду.
Радіоактивное творчество!
Эманировать жизнь—блескъ
Въ блески данцигской водки
Въ напитокъ Фауста.

V.

Намъ осталось лишь встрѣтить ея
Бѣгъ, ея руки, уста, очей чернь и синь
И тонкими лирами отмѣтить
Ея жизнь.
Будь же смарагдовымъ осіяніемъ,
Будь же золотомъ непобѣдимымъ,
Будь знаменіемъ бѣлизны,
Неуслѣдимыми вратами,
Будь свѣтильникомъ на нашъ пиръ,
Пребывающая въ небытіи
Лира Лиръ.

1913.

XXXVI.

L'ART POÈTIQUE

Je suis le savant au fauteil sombre
(A. R i m b a u d)

Книгъ жестокія тучи расходятся, подражая
Движеньямъ театральной бури—
Растрепанный вѣнецъ сочтемъ гораздо лучшее
Бросать въ Атлантскіе океаны—
Но войдите же шагомъ укороченнымъ,
Подивитесь, вотъ уже:

Вертясь на риѳмахъ неустанно,
Громыхая цѣпями риѳмовокъ:
Не терцеты ли конскихъ сонетовъ,
Кисти конскихъ каштановъ, гроздья буквы „а":
Всѣ усилія творовъ—кипѣнье потернъ
И изгиболетающій тропъ.

Заключись, заключись! о звенящій свистъ!
Пронизая метафорную фотосферу,
Синесѣрый элементъ (знаковъ препинанія):
Ударяйтесь, звенящіе „р", и „н",
Разлетайтесь, парящіе „с" и „т"
Въ несравноулетовой пустотѣ.

О, къ тавру октавы прижги
Липкій холодокъ л ю б в и и к р о в и:
Но вѣдь танецъ нашъ не конченъ,
Мы завертимся, мы завертимся,
Мы завертимся, мы завертимся
Летомъ.

1915.

XXXVII.

ПАМЯТИ И. В. ИГНАТЬЕВА.

Ни тотъ, ни та тебѣ, Единый!...
(И в. И г н а т ь е в ъ).

И жизнь взлетаетъ темной рыбой.
Ведя заоблаконную вязь,
Но ты, стремя, возводилъ узоры
И выползалъ изъ гробовъ свѣтъ.

Ахъ, ты-ли, плясунъ оледенѣлый!
Краевъ обидныхъ бродяга!
Ты, построитель, волкъ,
Бѣлаго брега невеселый—ходокъ!

Бью заунывно, пою печально,
Вѣрь томительной тучеяси!
Это молодецъ въ кованыхъ желѣзахъ
Надъ рѣкою поломалъ свой лукъ.

КНИГА ПЯТАЯ

Я имѣю потому великую печаль, что имѣю тѣло. Когда я буду лишенъ тѣла, то я не буду имѣть никакой печали.

(Лао-Си)

XXXVIII

Въ мечтаяхъ повольныхъ
Быстро слѣпить, жить,
А за этой разсиней волей
Треплется ея языкъ.

Мнѣ нуженъ знакъ водяный,
Хлестъ, шелёпъ, шуршопъ и викъ:
Вотъ они распляшутся хахи
Кругами по тугой водѣ.

Барновинныя дерева, заростинныя,
Ручьеватыя передождики, клюхотъ:
Надъ всѣмъ моего сердца—всегда:-
И всегда разсматривай.

XXXIX.

Альгамброй лѣса засыпаютъ.
Паркетъ пальмъ блеститъ.
Надъ известняками солнце опаляетъ
Высокія тѣней мглы.

Какъ синихъ сини измышлены,
Горъ леты, кустарниковъ толпь;—
И трещины къ сѣрымъ приближены
Камнямъ, чей хоръ и хоръ.

Душа нагая, пробейся
Жезломъ къ синеватой рѣкѣ струй!
О, городъ, исхищенный злата,
О, дворцовъ голубая праща!

1913.

:

Памяти Божидара

XL.

Оставь переплеты, друзей узоры,
Бѣги, пока застеклянится степь.
Гдѣ Лены струи, цѣлуи, берегаи,
Разлетаетъ прахъ на лепесточекъ синій.

Занеможетъ и занеможетъ рука.
По сѣрымъ занеможетъ.
Скалы выходите, рѣжьте овраговъ стволы
И лазурьтесь на рѣкахъ.

Голубей и соекъ тихое множество
Пѣли рождество, березиный пѣвъ.
Вотъ и лилы, и залисы, и пѣтрунки;
Какъ заяситъ, замаюнитъ синеворочь!

Ты плещи, сомъ, по рѣчкѣ—
За нимъ мои челноки.
Оба рядомъ, зинимъ взглядомъ.
На плеча—мои руки.

Тучевѣетъ запалена
Синяя оборона стрѣлочьихъ умыслъ;
Я покину эти жизни на просторъ голубыхъ почислъ.

1914.

Рюрику Ивневу.

XLI.

Нѣтъ тоски, какой я не видалъ.

Сердце выходитъ на бѣлую поляну:
Сѣть травъ, переступь дубовъ,
Бѣгъ кленовъ.
Темный лѣсовъ кровъ; ждать не стану.

Когда раненый бѣжитъ невесело,
Сердце, выдь, выдь ему на дорогу;
Здѣсь окончится перекрестокъ;
Тихо проходитъ лѣсъ,
Пашни не спѣшатъ
Отъ струй рѣкъ.

1914.

XLII.

Хранительныхъ тѣней привалы
Воздвигаются вновѣ.
Но тамъ меня ждутъ, не дождутся
У лиловой воды Оби,

Издали розовыхъ колоколенъ—
Среди снѣговъ стрекотанья:
Стоитъ городъ Березовъ,
Изгнанья почтительный ровъ.

Руки складываются въ котомку:
Все. Я иду, иду.
Въ тьму врѣзается тонкій
Мечъ туманящихъ ордъ.

1914.

XLIII.

Плечи, оскаты пашенъ,
Перепрыгивающая омутъ ольха;
Отдѣльные воды перевивы,
Окручивается зеленый воздухъ.

А крестъ церковный уводитъ
На многія глазъ мой мили.
Какъ будто на кораблѣ воздушномъ
Мои руки и ноги уплыли.

Но когда рука стеклянною становится,
И около нея другая трепещетъ невидимкой-
Какъ, на листы газетъ глазъ роняя,
Стуки эти, звоны докучны.

И голый взоръ звонъ отнимаетъ,
Ломая связи языка, и зорокъ
Корень не робкій изъ черной коробки,
Вымышленный въ двѣнадцатомъ часу.

Вцѣпившись крѣпчайше:-
Пола ночи отрывается,—
И тихое—двери желѣзомъ грохаютъ.
О, усталое же, остылое сердце!
Катится трижды подскокомъ.

1914

XLIV.

Расплавляя свѣтоплавы,
Капаетъ стекло въ глазъ,
Но необоримѣе
Веледушныхъ жениховъ.

Синь накалена до снѣга,
Вызолоченъ снѣгъ въ синь,—
И какой то бѣли шагъ растрепанъ
По потонущимъ судамъ.

О, ясь рѣчей, изсѣчена ты
Бездной золотыхъ головъ,
Но всѣ искры позастыли,
Душа спитъ въ крѣпкій свѣтъ.

XLV.

Смурая хмурость жеста
Была замѣчена издалека
Черезъ сѣти суровыхъ сити
Сталъ онъ пещись обо мнѣ.

Равнодушно я раскалывалъ
Снѣга перечеткіе лёты.
Не свои же лица роняя
И походки холодныхъ царствъ.

Условіе игры невозможной:
Или ты еще не до́рогъ въ дорогѣ?
Поднятыя высоко площади
И тощіе горюны.

Проплыть землѣ—плавно, плавно
И плакать плеврой одинокихъ,
Сердцемъ считая покой росъ.
И шелестъ угрюмый газетъ.

1915

КЪЛОВСД

КНИГА ШЕСТАЯ

„Объявите меня прокаженнымъ, Синьоръ! —чтобы я могъ шататься всюду и никто бы не приставалъ ко мнѣ!"—Синьоръ Беневоленте былъ такъ глупъ, что даже не могъ удивляться—онъ только загрохоталъ, какъ пивная бочка, выслушавъ эту странную просьбу.

(Ант. Фиренчеоли).

XLVI.

Пора чужіе небосклоны
Враждебнымъ окомъ воспытать,
Питомцевъ радужной Сорбонны
Пѣть и безпечно умалять.

Какъ взгроможденныя святыни,
Касаясь моего огня,
Слѣпорожденныхъ въ дольнемъ кринѣ
Вздымаютъ на носилкахъ дня:

Такъ я, скрежущими руками
Расцѣпливая мракъ, сонъ жизненный...
Впиться, Кавказъ, горными выями
Въ очи твои мнѣ.

И—ахъ—не разъ добраться—
Круча кучъ, немогутные взоры;
Небесный арбузъ катитъ тяжко
Любви задохшейся иго.

1915.

XLVII.

Лѣнивѣе серебряныхъ цвѣтовъ
Надъ Нальчикомъ стынутъ небеса.
Но отъ дремучей яси
Складываются руки.

Отъ воздушнаго залива
Руки тающія раскинь.
Медленная прорубь,
Рыбъ свободныхъ отпускай.

Души легче не уходятъ
Въ колебаяхъ сожженныхъ мученицъ!
У залива Нальчикъ круто къ омуту;
Криво камни горкой.

1915.

К. Г. Локсу.

XLVIII.

Духъ вольный легко вѣетъ,
Улыбка міра, Н а л ь ч и к ъ!
Ты нѣжнѣе глазъ синихъ,
Мудрыхъ ущелій таинникъ.

На тоненькомъ стеблѣ
Вырастаетъ онъ надъ Кабардой;
Вихрь съ горъ, свистунъ сладчайшій,
Плащами ударяетъ тѣло.

Небесные звѣри
Ложатся къ тебѣ на плечи.
Улыбка міра!—
Горный царевичъ.

12. VIII. 915.
Н а л ь ч и к ъ

XLIX.

Трепетающій шорохъ восторженности
Многоустнымъ духомъ;
Вечеровъ замирающихъ мглистые...—
Холодятся души ледниковъ.

О, пресвѣтлый край льда!
Исчисляя добычи бытій,
Ты будишь дубковъ вокругъ
Крушину обвѣвать.

Меня тащили за руки и бросили
Высокожелѣзныя силы;
Я упалъ на лапы звѣренкомъ,
Могъ въ мохъ укрыться я.
1915.

L.

Какъ не тотъ буйный недугъ ослѣплялъ,
Сжимая бедра, ротъ затыкая злобой,
Но сновъ мертвыхъ череда мчалась,
Ревѣя, въ сердца ворота.

И лопнули тонко ткани той
Ночи нити, идти не надо.—
Окна выстрѣлили въ шесть часовъ утра;
Городокъ бурчалъ во снѣ.

За всѣми днями, дорогами, цѣпями,
Слизью обѣдовъ, харканьемъ пасюка
Дивное диво дивило—
А кто знаетъ тѣ тони и ночи!

Онъ возстылъ великаномъ міра,
Подъялъ горести, лести и страсти,
Надъ нимъ круговоротъ остался нѣмъ,
Напасти роняли свирѣли убрусъ
— Виденъ Эльбрусъ.
1915.

LI.

Вскипаетъ застывшій черный шелкъ,
Спины песковъ рыжи;
Плетется мясной мухой паровозъ,
Прокусывая ленты дымковъ.

Сѣть степей. Молчите же вы
И колесъ заштатные вопли.
Ивъ туманъ. Хижинъ рябь.
Суголокъ устывшая марь.

Четыре шага до шелка,
Шелкъ несется, скрябаетъ берегомъ:
— Жестяное Азовское море.—Рычи,
Бѣлоязыкой волны жало.

Скребется просторъ и хлюпаетъ грузно,
Накаленъ взоръ и топь;
Звонитъ, бурчитъ оцинкованная волна
И жаломъ жерло желти лижетъ.

1915.

LII.

Хрустальными лапами сжавъ
Каменій нѣмой ровъ,
Вырывая съ пѣнистымъ лаемъ
Спину долинныхъ горъ—

Бѣжитъ потокъ, не костенѣя,
Сладостнымъ ревомъ, зубъ за зубъ;
Четокъ кучи чернѣютъ его,
Кочекъ рычащихъ чаще новь.

Онъ, пѣвучій мечъ, лежитъ быстринно,
Лыча цвѣтетъ, чего еще чище,
И жижа небесъ кружится чопорно
По надъ обрыва стѣнкой слоистой.

Черень чуждѣетъ, жгетъ животъ
И лысину горы набухшей.
Шопотъ чоботъ стеклянныхъ
Раскусываетъ пески.

1915.

LIII.

Стрепеты стремнинъ стройныхъ тѣснѣй.
Натискъ рѣзкихъ, хитрыхъ рѣкъ–
Трескъ вѣтвей погружаетъ лица
Въ брызги темнодолыхъ лукъ.

И стройный трепетъ погружаетъ каплицу,
Выси каплицу на облакъ-дымь;
Свѣтлыя ветлы лыка вѣютъ,
И лики—капель-лога бѣглецы.

Но вынесешь ли рѣзкій дуновеній ножъ,
Рѣзакъ глазъ, палачъ мукъ легкихъ;
Женъ лѣсныхъ собиратель, грибной старикъ—
Киркой берега (лѣта рыбы босой).

О—бѣгъ мой ничтоженъ за кучей береговъ,
Стобережныхъ ручьевъ капли слезъ:
И чище, и лише слеза-недугъ,
Острѣе милость путей зеленыхъ.

1915.

LIV.

Залязгать стенающимъ горломъ хряпь,
Неожиданноревнымъ свистомъ;
А, какъ женщина, треплясь здѣсь
Креслѣ, взрыдать и голосить,—

Вы, несторожкіе горолеты!
Вы, легкобережные токи!
Съ медвяновыхъ тучъ
Лучомъ пакли съ глинобитной крыши—
Какимъ дымкомъ сердце рвете!
И глаза выдавить не чутко,
И руки въ узелъ спутать тонко,
И паучить спину и локти,
И когтями языкъ томить.

И на такой голосъ кликнуть вой—
И тянуть и рыть землеходы!

1915.

ЭПИЛОГЪ

И когда обернусь, вижу неяснымъ: стихи, стихи, стихи, мечты Маръ Іолэна, первое исполненіе—„Вертоградари“, которыхъ я теперь читаю, какъ читаютъ знакомую и надоѣвшую чужую книгу. „Вертоградари“, конечно, не плохая книга—я даже подозрѣваю, что и, кромѣ меня, ее кто-нибудь читаетъ... все можетъ быть—но я не понимаю человѣка, который написалъ ее,—какъ и ему, разумѣется, непонятенъ авторъ „Алмазныхъ Лѣсовъ“, какъ автору „Лѣсовъ“—чужой человѣкъ пишущій эти строки.—Тащась по черной лѣстницѣ воспоминаній (парадный подъѣздъ—библіографія), останавливаюсь у вчерашняго дня и полагаю, что въ этой книгѣ есть вещи (не всѣ, конечно), которыя меня удовлетворяютъ по отдаленности своей отъ такъ называемыхъ „переживаній“, отъ людей, которыхъ, по счастью, съ каждымъ годомъ все меньше около меня.—Иногда мнѣ кажется, что наше поколѣніе захлопываетъ какую то книгу поэзіи, вѣрно ли это—я не знаю. Вотъ передъ нами дошипѣли послѣднія капли Сѣверянинскаго кубка, послѣдніе взрывы общечеловѣческой поэзіи, по типу ubi vita, ibi poesia. Чтобы придать себѣ жизни, они хлебнули изъ Фруго-Фофаново-Минаевской

помойки. Больше черпать неоткуда. Это кончено. А передо мной еще тысячи верстъ работы. Работы, работы, работы.—Будирующіе глупцы увѣряютъ, что поэтъ есть фикція, что онъ лишь рупоръ, какой рычитъ куча присяжныхъ повѣренныхъ, дантистовъ, ... начальниковъ станцій, клэрковъ, портныхъ и т. п. Конечно, я не могу спорить съ сими идеологами хамства, но, если они правы—тѣмъ лучше. Теперь когда они будутъ визжать, просмотрѣвъ „Лиру Лиръ", что это—не поэзія, что это не пѣвуче, безсмысленно, безумно, похоже на издѣвательство и т. д.—я спрошу:

— А то, что вы, собаки, устроили въ 191* году, это по вашему поэтично, пѣвуче, осмысленно, умно, не издѣвательство?

И ихъ зловонныя морды покроются пѣной бѣшенства.

Сергій Бобровъ

Декабрь 1915.
Москва.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

АВТОРЪ 3

КНИГА ПЕРВАЯ.

Исполненіе 7
Вотъ день, разламывающій окна 8
Деньское метаніе 8
Береговые буруны. 9
Души легкій двойникъ, неба ликъ 9
Молодость золота 10
Свобода. 10
Благоденствіе 11
Бѣгъ алмазовъ 12
Твоихъ плѣнительныхъ очесъ 12

КНИГА ВТОРАЯ.

Руки къ небу 17
Шорохи той же грани 18
Неувѣреніе 18
Навѣкъ мнѣ упиться этой болью 18
Какъ будто человѣкъ зарѣзанный. 19
Оторванъ, вслѣдъ тощимъ громадамъ 19
Бѣглецъ 20
Сила мученья. 20
Но ея прекрасные взоры. 21
Несчастная любовь 21

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Забывчивость 25
Судьбы жесты 26
Черные дни. 26
Конецъ сраженія 28

Слои тучъ изрѣзаны равномѣрно 28
На тридцать двѣ сажени улетѣли камни. 28
На эти горныхъ скалъ озубья 29
Легкоизалетный чертитъ кругозоры 29
О, я не насладился плодами дальнихъ рѣкъ 30
Кинематографъ 31
Кисловодскій курьерскій 32
Въ возвышенномъ родѣ 32

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Необычайная ловля 37
Мечта въ высяхъ 38
Судьба стиха 38
Лира Лиръ 39
L'art poëtique 42
Памяти И. В. Игнатьева. 42

КНИГА ПЯТАЯ.

Въ мечтаяхъ повольныхъ 47
Альгамброй лѣса засыпаютъ 48
Оставь переплеты, друзей узоры 48
Нѣтъ тоски, какой я не видалъ 49
Хранительныхъ тѣней привалы 49
Плечи, оскаты пашенъ 49
Расплавляя свѣтоплавы 50
Смурая хмурость жеста 51

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пора чужіе небосклоны 55
Лѣнивѣе серебряныхъ цвѣтовъ 56
Духъ вольный легко вѣетъ 56
Трепетающій шорохъ восторженности 56
Какъ не тотъ буйный недугъ ослѣплялъ 57
Вскипаетъ застывшій черный шелкъ 57
Хрустальными лапами сжавъ. 58
Стрепеты стремнинъ стройныхъ тѣснѣй 59
Залязгать стенающимъ горломъ хрящь 59

ЭПИЛОГЪ.

—И когда обернусь . . . . . .

КНИГИ СЕРГѢЯ БОБРОВА

Вертоградари надъ Лозами; Первая книга стиховъ.—М. К-во „Лирика“, 1913. Стр. 4 (нен.)+162+6 (нен.) Ц. 1 р. 50 к.

Лирическая Тема; XVIII экскурсовъ въ ея области.—М. К-во „Центрифуга“, 1914. Стр. 33+1 (нен.) Ц. 50 к.

Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. М. К-во „Мусагетъ“. 1915. Стр. 33+1 (нен.) Ц. 50 к.

Записки стихотворца; статьи о поэзіи и стихѣ.—М. К-во „Мусагетъ“, 1916. Стр. 92+4 (нен.) Ц. 1 р.

Алоизій Бертранъ, Ночной Гаспаръ; переводъ. М. Изд. В. В. Пашуканиса (Готовится).

И. М. Языковъ о міровой литературѣ.—М. К-во „Центрифуга“. 1916. Стр. 16. Ц. 50 к.

Алмазные лѣса; вторая книга стиховъ.—М. К-во „Центрифуга“. 1916. Стр. 48. Ц. 1 р.

Лира Лиръ, третья книга стиховъ. М. К-во „Центрифуга“, 1916. Стр. 68. Ц. 1 р.

Распѣвочное единство; комментаріи къ книгѣ Божидара. М. К-во „Центрифуга“, 1916. Стр. 84+4 (нен.) Ц. 1 р. 25 к.

Критика житейской философіи К. Буберы; редакція (Печатается).

Принцъ Ашатіи; сказка (готовится).

Сезонъ въ Аду Артюра Римбо; переводъ. (Готовится).

Русскій пуризмъ. (Готовится).

Основы стиховѣдѣнія. (Готовится).

Записки стихотворца, т. II. (Готовится).

Словарь риѳмъ А. С. Пушкина. (Готовится).

Дельта; четвертая книга стиховъ. (Готовится).

ЦЕНТРИФУГА, книгоиздательство

МОСКВА Погодинская, 4, 45

---

1) **Сергѣй Бобровъ.** Лирическая тема. Стр. 34. М. 1914 (Распродано).
2) **Руконогъ.** Первый сборникъ к-ва. Стр. 48. М. 1914. (Распродано).
3) **Ѳедоръ Платовъ.** „Блаженны нищіе духомъ"; семьдесятъ стиховъ. Стр. 16. М. 1915. (Распродано).
4) Третья книга отъ **Ѳедора Платова**. Стр. 80. М. 1916. (Наложенъ арестъ).
5) Второй сборникъ **Центрифуги.** Стлб. VIII (нен.)+112. М. 1916. (Распродано).
6) **Божидаръ.** Распѣвочное единство всѣхъ размѣровъ. Редакція, предисловіе, комментаріи Сергѣя БОБРОВА. М. 1916. Стр. 84+4 (нен.) Ц. 1 р. 25 коп.
7) **Константинъ Большаковъ.** Солнце на излетѣ. Вторая книга стиховъ. М. 1916. Стр. 64. Обложка Л. М. Лисицкаго. Ц. 1 р. 25 коп.
8) **И. А. Аксёновъ**. Елисаветинцы. Вып. I.—Фордъ—Вебстеръ—Тернеръ. Стр. 300+8 (нен.) М. 1916. Ц. 4 р. (Въ филассовомъ переплетѣ и футлярѣ 8 р.).
9) **Рюрикъ Ивневъ.** Золото смерти. Стр. 16. М. 1916. Ц. 50 коп.
10) **Николай Асѣевъ**. Оксана. Стихи 1912—16 г. Стр. 88. М. 1916. Ц. 1 р. 50 коп.
11) **Сергѣй Бобровъ**. Н. М. Языковъ о міровой литературѣ. Стр. 16. М. 1916. Ц. 50 коп.

12) **И. А. Аксёновъ.** Неуважительныя основанія. Съ двумя офортами. А. А. ЭКСТЕРЪ. М. 1916. Стр. 48. 8⁰. Ц. 12 руб.

13) **Сергѣй Бобровъ.** Алмазные лѣса. Вторая книга стиховъ. Стр. 48. М. 1917. Ц. 1 р.

14) **Борисъ Пастернакъ.** Поверхъ барьеровъ. Вторая книга стиховъ. Стр. 96. М. 1917. Ц. 1 р. 75 коп.

15) **Сергѣй Бобровъ.** Лира Лиръ. Третья книга стиховъ. Стр. 68. М. 1917. Ц. 1 р.

16) **И. А. Аксёновъ.** Пикассо и окрестности. Съ 12 репродукціями съ картинъ мастера. (Печатается).

Сам. Вермель. Золотое лицо. Вторая книга стиховъ. (Готовится).

К. Бубера. Критика житейской философіи. Предисловіе, редакція и примѣчанія Сергѣя БОБРОВА. (Печатается).

Третій сборникъ **Центрифуги.** (Печатается).

Сам. Вермель. Пролегомены театра. Сборникъ статей. (Печатается).

Сергѣй Бобровъ. Записки стихотворца. Т. II. (Готовится).

И. А. Аксёновъ. Елисаветинцы. Вып. II. Бомонтъ, Флетчеръ, Массинджеръ, Гейвудъ. (Готовится).

Стиховѣдъ. Сборникъ статей по теоріи русскаго стиха. Вып. I. (Готовится).

Сергѣй Бобровъ. Основы стиховѣдѣнія. (Готовится).

Николай Асѣевъ. Война. Поэма въ 12 главахъ. (Готовится).

Проспекты изданій и каталоги высылаются по требованію безплатно.

11-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 11-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1917 годъ

ЛѢТОПИСЬ

Ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ, издаваемый при ближайшемъ участіи М. ГОРЬКАГО.

Журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

Въ теченіе 1917 г. въ „Лѣтописи“ будетъ напечатано:

Ф. И. ШАЛЯПИНЪ

АВТОБІОГРАФІЯ

редактированная М. ГОРЬКИМЪ (около 20 печат. лист.) будетъ печататься въ каждой книгѣ журнала

М. ГОРЬКІЙ

Атамановы (повѣсть). **Письма къ читателямъ.**

Посмертное произведеніе Э. Верхарна, повѣсти, разсказы и стихотворенія: **В. Брюсова, Ив. Бунина, М. Горькаго, Евг. Замятина, Н. Никандрова, М. Пришвина, К. Тренева** и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

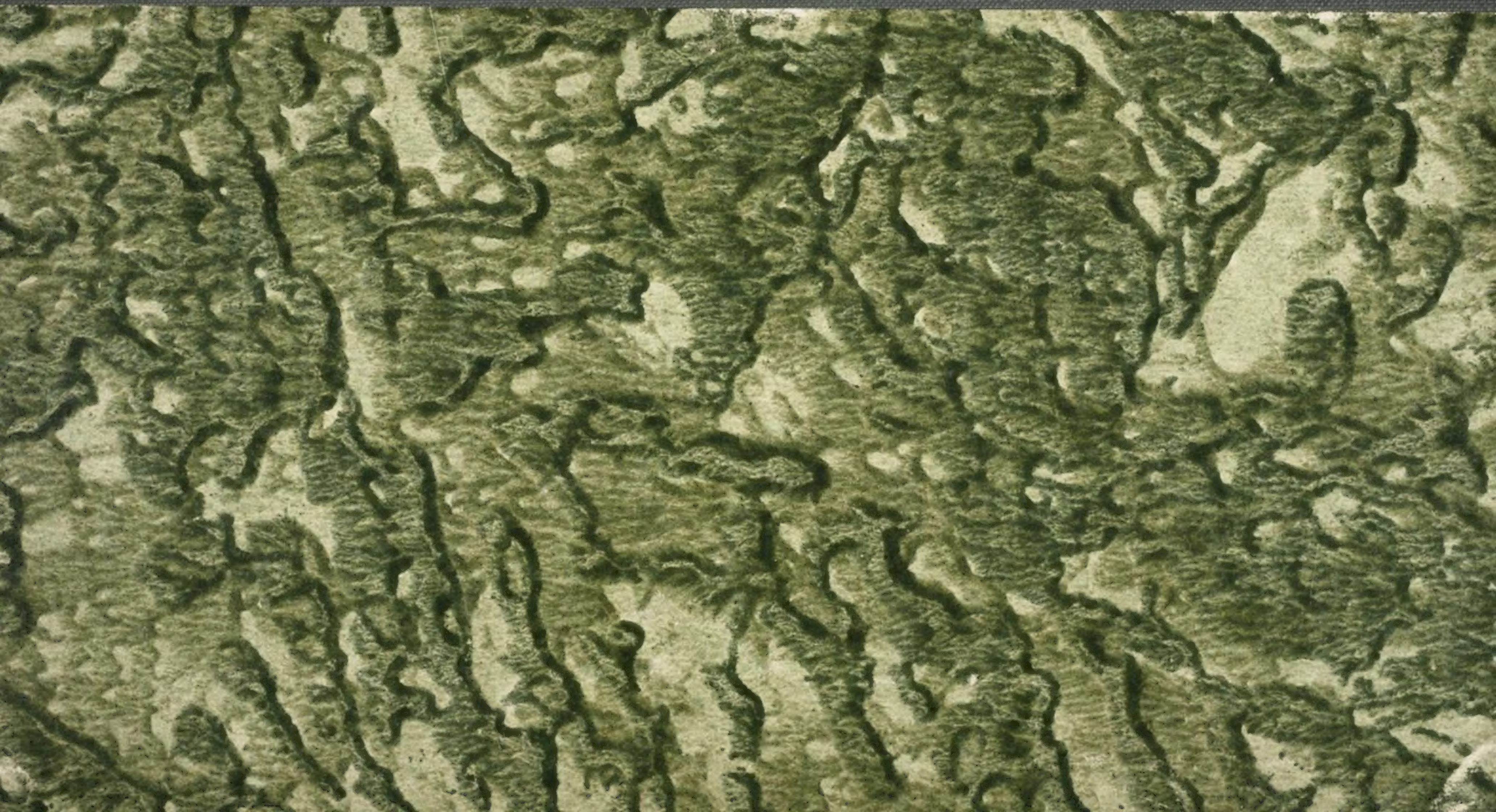
	Годъ.	1/2 года.	3 мѣс.
Съ доставкой и пересылкой въ Россіи	18 р.	9 р.	4 р. 50 к.
За границу	22 р.	11 р.	5 р. 50 к.
На 1 мѣсяцъ только для иногородныхъ внутри Россіи			1 р. 50 к.
Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ			1 р. 75 к.

Кооперативамъ, профессіональнымъ союзамъ, больничнымъ кассамъ, народнымъ библіотекамъ и др. культурно-просвѣтительнымъ учрежденіямъ при непосредственномъ обращеніи въ контору предлагаются льготныя условія подписки: на 1 годъ вмѣсто 18 руб.—16 руб. и на полгода—вмѣсто 9 руб.—8 руб.; на меньшій срокъ льготная подписка не принимается.

Пробный № (изъ книгъ 1916 г.) высылается наложеннымъ платежемъ за 1 рубль.

Подписка принимается: **Въ Петроградѣ**—въ конторѣ журнала „Лѣтопись“, Б. Манетная ул., д. 18; тел. 108—91 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ** -въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ книжныхъ магазинахъ; а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи.

Издатель *А. Н. Тихоновъ.* Редакторъ *А. Ф. Радзишевскій.*

ЕНТ
РИФ
УГА
же схема α и β одинакова:
по Андрею Бѣлому. «β»—
ѣb, τα=c)

ОИК-69512